

ХИМЦЕХ

Началась Великая Отечественная война. Немцы стремительно наступали. Из западных областей страны в срочном порядке эвакуировали заводы. Заводы и предприятия "приезжали" как в большие города, так и в маленькие, и даже в рабочие поселки.

В рабочий поселок Изумруд осенью 1941 года был эвакуирован химико-металлургический цех из Подмосковья. Он имел особое стратегическое значение, на тот период был единственным в Советском Союзе.

Задание было простое и военному краткое, а сроки... В кратчайшее время нужно было смонтировать присланное оборудование и начать технологический процесс по плавке бериллия, который шел в военную промышленность.

Площадку для цеха выбрали рядом с подстанцией на ул.Клубной. Объяснение дали простое: для работы цеха нужно большое количество электроэнергии и тепла.

Рядом располагалось здание прачечной, его использовали под солевую цех. В этом здании полы были всегда сырье и скользкие, они никогда не просыхали. Здание подлатали, подремонтировали, дыры забили фанерой и досками. Рядом было построено еще несколько зданий, в том числе котельная.

В первые дни войны из поселка Изумруд мобилизовали военнообязанных и здоровых мужчин всех возрастов. Остались подростки 14-15 лет, вот на их плечи и легла основная нагрузка по строительству цехов нового производства.

Чтобы быстрее запустить цех, перестраивали гаражи, гаражи, бани и прачечные. Здание металлургического цеха строили заново своими силами, работали по-стахановски, со временем не считались, нормы перевыполняли на 200-250 процентов.

Работоспособного населения для круглосуточной работы нового производства в поселке набрать не смогли, поэтому когда построили здание котельной, на монтаж оборудования привезли заключенных. Темпы строительства впечатляли, техника безопасности не соблюдалась, из-за чего происходили несчастные случаи.

С самого начала пуска цеха не хватало рабочих кадров практически во всех подразделениях. Привезли набранных со всех концов страны по оргнабору. Люди приехали из Курской, Ивановской, Воронежской, Липецкой областей. Среди них в небольшом количестве трудились и местные жители, а также привезшие из деревень Белоярского района.

Вот как говорят старожилы: "...очень много было вербованных из Курской области. Я приехал из Белоярки, привез свою семью и старую мать..."

"...Приехали с родителями из Свердловска в 1931 году на Изумруд". Басова Н.П. 1925 г.р.

С первых дней запуска химцеха, когда еще не хватало опыта, возникало много отравлений, это - потеря рабочих рук.

Привезли новые партии вербованных из Курской, Брянской, Воронежской, Ивановской областей. На вспомогательные работы принимали подростков

с 12 лет. Они подметали в цехе, рубили дрова, убирали мусор, выполняли обязанности вожчика.

На момент начала работ химико-металлургическое производство представляло из себя несколько отдельных цехов или, как называли, отделений, производивших в строгой последовательности свои технологические операции. Условно они назывались размолочное, солеплавильное, плавильное и так далее, в том числе и подсобные. Производство было круглосуточное, смены - по шесть часов. А все производство, которое на тот период можно было классифицировать как отдельный завод, называлось коротко "химцех".

В размолочном цехе размалывали (дробили) горную породу при высокой температуре, в электрических печах получали полуфабрикат, который называли спек.

Температура при изготовлении спека - 1700 градусов. Графитовыми кеглями мешали расплавленную руду, около работающих печей можно было находиться только две-три минуты.

Спеки выходили в виде больших шаров, затем их перевозили в солевую цех.

По информации некоторых источников, руду привозили из Китая. Но в поселке было несколько шахт и большое количество подземных выработок.

Жители утверждают, что химический цех работал на сырье, которое добывалось на

работал в Малышевской шахте в 70-80-х годах XX века, тем более ее прекрасно знали те, кто трудился на этом предприятии раньше.

Шари или спеки доставляли в цех варки или солевой цех. Их привозили в ящиках весом по 50-60 килограммов, а в цехе работали одни женщины. Загружали в котлы вдвоем, но чаще всего - в одиночку, туда же вливали соль, раствор черпали прямо из котлов черпаками.

Здесь в больших чанах варили соль из концентрата бериллия. При большой температуре она закипала и густела. Сюда же добавляли плавиковую кислоту, каустик концентрированный.

"...Котлы большие, мы туда залезали в резиновых сапогах и перчатках и выгребали соль до самого дна..." - вспоминают старожилы.

В цехе всегда была очень высокая температура - вытяжные устройства не успевали проветривать. Из-за дыма и невыносимого запаха дышать было очень трудно, постоянно текли слезы.

Барабаны размалывали этот спек с солевым раствором, и потом эта обогащенная смесь по

лечились сами.

От старииков, живших в поселке и работавших раньше на подобном производстве, узнали рецепт - в рану втирали эту же соль. Она через пару дней выветривалась или вымывалась, и раны быстрее заживали. Как у нас говорили: клин клином вышибают.

В течение смены люди часто выбегали на улицу, чтобы подышать свежим воздухом. Были случаи, когда рабочих выносили на носилках, большинство обратно не возвращалось... Дети трудились с 12 лет. Недалеко от цеха был детдом, размещавшийся в бараке. Дети приходили оттуда.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ:

"...Один работал со мной, в цехе помогал слесарю. Так у него пошла кровь, сначала носом, потом горлом. Очень сильное отравление. Больше всех страдали рыжие и белобрысые, они не выдерживали даже полсмены..."

По этому вопросу из Свердловска приезжала комиссия, но следила только за выполнением плана. Видимо, когда смертность стала высокой, стали приезжать комиссии из Москвы. Начали контролировать технику безопасности. Был принят ряд организационных мер.

В особо вредных цехах смены сделали по четыре часа вместо шести. Через четыре смены давался день отдыха. Два раза в году людей отправляли в отпуск на месяц, причем в приказном порядке. Платили хорошо, по тем временам 1600-1800 рублей на особо вредных участках. Стали выдавать хорошую спецодежду. Маски, кожаные сапоги.

Дисциплина была высокой. За прогулы и нарушения спрашивали очень строго: за пятиминутное опоздание следовало наказание или суд, за прогул судили показательным судом.

Кроме основного производства рабочие ездили на станцию Асбест разгружать вагоны с оборудованием, инструментом, углем, химикатами, рудой.

О степени вредности производства знали все, кто устраивался в этот цех. Многие шли сознательно и, конечно же, не от хорошей жизни. Рабочих в химцехах хорошо кормили. Ежедневный бесплатный обед состоял из трех блюд, всегда выдавалось сливочное масло по 25 граммов. Ежедневно давали пол-литра молока и 400-600 граммов хлеба.

Рабочие, приехавшие из Курской и Ивановской областей, вымерли почти сразу. После первой же получки они пошли в магазин и на все деньги купили ситец. И все это отправили в деревню детям, а себя в питании обделили.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ:

"... Я же с первой получки купила два килограмма масла сливочного (с детства голодала, росла сиротой, хоте-

ла поесть от пузя, да еще ребеночек маленький был, его кормить надо было).

В химцех пришла из лесопилки. Братья на работу в цех не хотели, я была маленького роста и худенькая. Врачи при приеме на работу говорили: "Ты что? Три дня проработаешь и помрешь!" Я же отвечала: "А голодом я всего четыре дня проживу".

Все, кто первыми пришел в химцех, быстро умерли. Из десяти человек, кто работал в годы войны, в живых осталось только двое. Зная о вредности производства, люди все равно просились на работу, хотя знали, что они - смертники.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ:

"... Пришел к начальнику проситься на работу. Семья была большая, есть нечего, денег не хватало: "Переведи в основной цех". Там больше платили. Начальник сказал: "А кто семью кормить будет, когда помрешь?"

Заболевания и отравления были тяжелыми. Ежедневно с кем-то было плохо, кто-то падал в обморок, кого-то выносили на носилках. Практически все получили болезнь печени.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ:

"...Отправляли в Свердловск в больницу на лечение, но дома - дети малые. С кем оставить? Вернулась домой и не стала лечиться..."

Люди возвращались домой, даже не пройдя минимального курса лечения. Легкие, бронхи сгорали, печень болела постоянно, иногда невозможно было разогнуться. Кожные заболевания в расчет не брались, а это - постоянный зуд, жжение, язвы и коросты.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ:

"...Болезнь приобрели на всю жизнь за полгода.

Отравление и ожог голосовых связок - год не могла разговаривать.

... болят суставы, до конца жизни кожные заболевания.

... рядом работала Нина Мурзина, отравилась на работе, все тело в солевых ранах и внутри все разъело".

У многих женщин не было детей, химия действовала не только на женщин, но и на мужчин. В семье рождались дети, но, прожив два-три года, умирали.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ:

"...Сынок с няньками сидел, потом в садик отдала. До трех лет не говорил и не ходил. В садике после трех недель пошел и начал разговаривать".

После отравлений, если остался жив и мог двигаться, на инвалидность не отправляли, а переводили на легкую работу: кновозчиком, электриком, слесарем. Работали в этих же цехах и часто находились рядом с тем же химическим оборудованием.

После войны из трудового коллектива тех, кто болел и оформил профзаболевание, лечили в Москве, многих отправили на инвалидность. Как и какими средствами лечились в то тяжелое время? Спасались и выживали при помощи народных методов: водкой с медом и маслом.

В воспоминаниях одного девушки записано: "Слегка выпивал, ходил на охоту".

В процессе беседы, скрюченный и чуть дыша, он сказал: "...Некогда болеть было, надо было для Победы работать..."

шахтах пос. Изумруд. Сырье в ящиках доставлялось из пос. Малышева. А для секретности или дезинформации говорили, что сырье привозили откуда-то издалека.

По устной информации местных жителей, подавляющее большинство вербованных, приехавших из разных концов страны, трудились в шахтах. Туда брали невысоких и худеньких девушек и женщин. В подземных условиях взрывных работ практически не проводилось. Руда залегала в жилах, которые извилистой и узкой лентой проходили в крепких породах. При помощи кирки и лопаты вербованные добывали стратегическое сырье для победы.

Работа была очень тяжелой. Вредность - страшная. Соль разъедала тело до костей, особенно в тех местах, где были отвертки сапог. Они за смену намокали, так как с фартука жидкость стекала на сапоги и при движении попадала на брюки, а затем просачивалась на кожу. К врачам люди не обращались,

трубам поставлялась в плавильный цех, где все это варили. Затем получали чушки (металлические болванки серого цвета), в народе они назывались "куклами". Это была конечная продукция, которую выпускал химико-металлургический цех. И ее отправляли потребителям.

Печи, в которых происходил процесс плавки, работали на электричестве. Непосредственно у печей можно было находиться по две-три минуты. Плавильщики работали по четыре часа. Расплавленный металл черпали большой металлической ложкой.

Работа была очень тяжелой. Вредность - страшная. Соль разъедала тело до костей, особенно в тех местах, где были отвертки сапог. Они за смену намокали, так как с фартука жидкость стекала на сапоги и при движении попадала на брюки, а затем просачивалась на кожу. К врачам люди не обращались,